

Мо Чанкун открыл глаза и резко проснулся от кошмара, едва не вспотев от страха. Ему долго не удавалось успокоиться. Он видел во сне, как шизуна убил монах-отступник.

Ха! Это так нелепо. Шизун был лучшим мечником в мире, а этот монах был настолько слаб, что шизун давно его убил. От него даже души не осталось. Как он мог причинить вред?

Мо Чанкун быстро поднялся с кровати и открыл окно.

Это был Пик Уцзянь, его знакомый двор. Сквозь ставни из соснового дерева проникал ленивый свет, а осенний ветер приносил аромат османтуса из сада. В пруду, который выкопал шизун, плавало несколько белых гусей с блестящими перьями и элегантной осанкой.

Эти гуси были такими жирными, что их можно было бы съесть...

Живот Мо Чанкуна заурчал, полностью пробудив его. Настроение улучшилось, а содержание кошмара стало постепенно размываться, оставляя лишь обрывки странных образов: железные птицы, летающие в небе, и бронированные чудовища, бегущие по земле, все это было непонятно и причудливо.

Он скучал по шизуну...

Мо Чанкун перелез через ставни и отправился в соседний двор, чтобы посмотреть, не там ли шизун. Не найдя его в комнате, он пошел на кухню, где обнаружил оставленные для него три больших корзины с мясными булочками и мясной кашей. После сытного завтрака он отправился к тренировочной площадке, в сад лекарственных трав и в другие места, но нигде не нашел шизуна.

Он хотел спросить Хэ Цзиньяня, который всегда знал все, но тот снова ушел в затворничество. Второй ученик был весьма умным, но, к сожалению, его талант был ограничен, и он придерживался строгих правил. Шизун дал ему бесчисленные свитки с техниками меча для изучения, и неизвестно, что из этого получится.

Мо Чанкун решил искать сам. Искал он долго, но наконец услышал радостный смех шизуна у подножия горы, в лесу хурмы:

— А-Суй, именно так! Еще несколько шагов!

— А-Суй, ты самый умный лис в мире.

— А-Суй, ты очень храбрый, потерпи немного...

— А-Суй...

Шизун всегда был мастером сладких слов, к каждому ученику он относился с добротой и терпением, избаловывая их до невозможности!

Мо Чанкун сердито подошел к ним, видя, как шизун с большой корзиной за спиной, полной бытовых предметов, купленных в городе, и с медовым пряником в руках, стоял на коленях и уговаривал маленького плачущего лисенка сделать еще несколько шагов.

Этот чертов лис был его младшим братом, которому недавно пересадили сухожилие магического дракона. Целитель предупредил, что ему нужно как можно скорее научиться ходить, иначе могут остаться последствия. Шизун все последние месяцы полностью посвятил себя А-Сую, обучая его ходить с утра до вечера. А-Суй боялся боли и трудностей, из-за чего шизун был сильно обеспокоен и практически не имел времени на него и Цзиньняня.

Мо Чанкуна никогда так не игнорировали. В ужасном настроении он с мрачным лицом подошел к капризничавшему лисенку и грубо схватил его за загривок, предупреждая:

- Никчемный! Если ты не будешь ходить сам, я выброшу тебя в лес на корм волкам!

А-Суй испугался и прижал хвост к ногам, он со слезами на глазах долго смотрел на своего старшего брата, пытаясь очаровать его своими способностями лисы из Цинцю. Увидев, что это не действует, он вдруг расплакался и жалобным голосом закричал:

- Шизун, шизун...

- Чанкун, перестань, - шизун тут же смягчился от плача пушистого ученика и поспешил его успокоить, - А-Суй только что отлучился от молока, он все еще малыш. Нам некуда спешить, будем учить его постепенно.

Мо Чанкун возмущенно ответил:

- Ему уже четыре года!

Он видел много четырехлетних детей среди людей, и каждый из них был умнее и сообразительнее А-Суя! Они могли бегать, прыгать, разговаривать и даже помогать родителям собирать фрукты. Представители рода демонов сильнее людей и лучше переносят боль, так что даже четырехлетний детеныш не должен так позорно плакать.

- Физическое состояние А-Суя отличается от других демонов, лисы из Цинцю развиваются медленнее, у них более продолжительный период детства, - пытался объяснить шизун, - Целитель сказал, что перестройка его меридианов очень болезненна, когда он ходит, его меридианы словно разрываются. Сейчас он может пройти пять шагов, это уже большой прогресс...

- Когда я был в тайном царстве Куйюэ, у меня все кости были сломаны, и я не был таким слабаком, - Мо Чанкун с презрением потряс лисенка в своей руке, - Он просто притворяется, хочет, чтобы его жалели!

Шизун попытался его успокоить:

- А-Суй был брошен, он испытывает недостаток безопасности, поэтому так нуждается в заботе. Мы же договаривались, что будем терпеливы и хорошо его учить, чтобы он больше не боялся одиночества.

Мо Чанкун молчал с каменным лицом.

- Хорошо, Чанкун, не злись, А-Суй будет послушным и научится ходить, - шизун подумал и предложил, - Я поймаю духовную овцу и приготовлю тебе жареное мясо, как тебе?

Мо Чанкун, немного успокоившись, буркнул:

- Не говорите глупостей, я не злюсь.

Шизун улыбнулся:

- Кстати, попробуй погладить А-Суя. Он набрал два катти и сменил шерсть, она теперь еще мягче.

Мо Чанкун терпеливо положил глупую лису на ладонь, ощутил ее вес и небрежно погладил, специально взъерошив ее гладкую шерсть. Эта негодная лиса слишком полагается на свою пушистость!

Зловещий взгляд Мо Чанкуна так напугал А-Суя, что тот обмяк, не в силах бороться, и от страха обмочился, испачкав свой хвост и руки и одежду старшего брата...

Мо Чанкун остолбенел и растерянно обернулся:

- Шизун?

А-Суй завыл еще громче.

- Не бойся, не бойся, твой старший брат не плохой человек, он просто немного суров, - шизун взял А-Суя на руки, стараясь утешить его, но не смог сдержать смеха. В конце концов, он расхохотался до слез, вытирая глаза, - Извини, я не должен смеяться, но это так смешно...

Шизун был человеком, которого легко развеселить, и ему редко удавалось увидеть своего гордого и высокомерного старшего ученика в таком неловком положении. Несмотря на то, что он знал, что не должен смеяться, он не мог остановиться.

А-Суй плакал еще сильнее.

Шизун пытался успокоить его, обнимая пушистого белого лисенка, и смеялся так, что даже его глаза персикового цветения заблестели от слез, его бледная кожа порозовела, и ямочки на его щеках стали еще более яркими...

Мо Чанкун был крайне раздражен, хотел поругаться, но, глядя на его губы, почему-то вспомнил о былом удовольствии от запретного поцелуя, и его горло вдруг пересохло, словно его охватил огонь и жажда.

У него давно не было возможности «поесть»... Хотя желудок был полон, он все равно не чувствовал удовлетворения. Его холодное тело было наполнено невыносимым жаром желания, которое не находило выхода, разрушая его рассудок. Краденого поцелуя после выпивки уже не хватало для удовлетворения его аппетита...

Жадность не знает границ, он хотел большего.

- Чанкун? - шизун успокоил А-Суя, вытер слезы от смеха, выпрямился и протянул руку, чтобы погладить старшего ученика по голове, - Ты недоволен?

- Не трогайте меня, - Мо Чанкун пришел в себя, отшатнувшись от этой руки, словно его ударило током. Увидев удивленный взгляд шизуна, он поспешно спрятал сбившееся дыхание, - Ничего.

Он быстро убежал из леса хурмы.

...

Мо Чанкун был раздражен и никак не мог успокоиться. Он не хотел видеть своего глупого шизуна и тем более двух бесполезных младших учеников, поэтому снова тайком покинул дом.

Неподалеку от Пика Уцзянь находился город Цюаньчэн, известный своими деликатесами и развлечениями. Это было место, куда он приходил побродить, когда нечем было заняться.

Сегодня был Фестиваль фонарей. Торговцы изготавливали фонари из лозы и бамбука, покрывали их легкой тканью и расписывали сюжетами из мифов или изображениями прекрасных фей. С наступлением ночи зажглись огни, и улицы заполнились парами, которые, не стесняясь, наслаждались обществом друг друга.

Мо Чанкун сидел в таверне, потягивая невкусное вино. Раньше он тоже приходил на Фестиваль фонарей с шизуном, чтобы смотреть на огни, любоваться цветами, пить и есть, наслаждаясь жизнью... В последние годы шизун был занят обучением Цзиньяня или заботой о лисе и не мог его сопровождать, поэтому времени на развлечения с ним оставалось все меньше.

Так раздражает...

Он пил одну за другой бутылки крепкого алкоголя, пытаясь погасить внутренний огонь холодным вином, но, к сожалению, его выносливость была слишком хорошей, и сколько бы он ни пил, лишь слегка пьянел, становясь все более злым.

Когда злишься, нужно найти способ разрядиться. Не найдя никого, на кого можно было бы сорвать злость, и не желая возвращаться в Пик Уцзянь, чтобы видеть глупцов, он решил пойти к другу за едой.

У Мо Чанкуна был только один друг. Его звали Минь Цзинь, он был демоном-яо, и его истинный облик — белый олень... Он очень чистоплотный.

Десять лет назад, когда Мо Чанкун истреблял однорогую змею на озере Яньбо, он нашел его в логове змеи, израненного и на грани смерти, и спас его. Минь Цзинь был очень благодарен и прислал множество подарков в знак признательности. Позже, они как-то стали друзьями. Минь Цзинь был очень спокойным, не любил выходить из дома и редко сердился. Он всегда сидел дома, рисовал и занимался каллиграфией, а его дом был очень уютно обустроен...

Иногда, когда Мо Чанкун ссорился с шизуном или совершал что-то серьезное, разозлив учителя, он убегал к Минь Цзиню за советом. Минь Цзинь всегда помогал ему разобраться в ситуации и давал наилучшие решения, помогая ему помириться с шизуном.

Шизун всегда поддерживал их дружбу. Минь Цзинь не имел кровавой истории, характер у него был хороший, в общем, вполне подходящий.

Иногда Мо Чанкун приходил к нему в гости. Минь Цзинь жил в усадьбе Чаюнь на окраине Цюаньчэна. Дом был довольно роскошным, окруженным экзотическими растениями, с множеством слуг, как людей, так и демонов.

Сегодня дверь открыл старый слуга. Мо Чанкун спросил, где его хозяин. Старый слуга дрожащей рукой указал на задние горы, неясно бормоча что-то, из чего Мо Чанкун уловил только «цветочный павильон».

Мо Чанкун много раз бывал в усадьбе Чаюнь и знал, что речь идет о павильоне Мянфэн рядом с озером Диншань. Не желая слушать старика, он, как всегда, привыкший вести себя здесь свободно, взял купленную в Цюаньчэне бутылку вина и направился напрямик к павильону.

Павильон Мяньюфэн — место для любования лотосами летом. Осенью здесь не было цветов, и Мо Чанкун не знал, чем Минь Цзинь мог там любоваться.

Подходя ближе, он внезапно уловил сладкий запах благовоний, в которых чувствовалась нотка травы олений хвост. Где-то он уже ощущал этот запах?

Думая об этом, он подошел ближе.

Наконец, он вспомнил: такой запах он почувствовал однажды, когда поймал цветочного вора в борделе. Шизун тогда сказал, что это благовония для развлечения гостей. Он спросил шизуна, какого рода развлечения? Шизун, смеясь над его наивностью, не ответил.

Павильон Мяньюфэн был открытой постройкой без дверей и окон. На колоннах висели многочисленные зеленые занавеси, за которыми светились лампы, скрывая силуэты переплетенных тел и слышались слабые мужские вздохи.

Мо Чанкун внезапно почувствовал неладное и захотел уйти. Однако ветер с озера подул, взметнув занавеси и открыв вид на происходящее внутри. Он не успел отвернуться и, увидев это, застыл, словно пораженный молнией. На бронзовом подсвечнике в виде оленя горели бесчисленные красные свечи. В павильоне витала атмосфера соблазна, а Минь Цзинь на мягком ложе занимался непристойными делами с белокожим юношей-демоном.

Юноша был личным слугой Минь Цзиня, его истинный облик напоминал какого-то маленького зверька. Его манеры чем-то напоминали учителя Мо Чанкуна: он тоже ярко улыбался, а у уголков рта были ямочки.

Теперь же уголки его глаз покраснели, лицо было залито слезами, и он горько умолял.

Мо Чанкун не верил своим глазам, его голова будто взорвалась, а бутылка вина выпала из рук, разбившись на осколки. Он никак не мог представить, что между мужчинами могут происходить такие ужасные вещи.

Минь Цзинь, заметив его появление, сразу прекратил свои дела, накинул халат, небрежно завязал пояс, встал и извинился:

- Не знал, что ты придешь, прости за невежливость.

Но когда он встал, ситуация стала еще более очевидной. Мо Чанкун поспешно отвернулся, не зная, что сказать.

Минь Цзинь одел юношу, притянул его к себе и представил:

- Это мой возлюбленный.

Мо Чанкун был поражен:

- Но он же мужчина!

Минь Цзинь спокойно ответил:

- Я люблю мужчин.

Мо Чанкун спросил:

- Как ты можешь заставлять его делать такие вещи?

- Что? Никто меня не заставляет, я сам этого хочу, — юноша удивленно взглянул на него, вытер слезы и, как послушный котенок, уютно устроился в объятиях Минь Цзиня. Играя с длинными волосами своего возлюбленного, он весело сказал, - Мне нравится, когда господин делает это, это приятно.

Он счастливо улыбался, ямочки на щеках были очаровательны.

- Нет, — Мо Чанкун покачал головой, — Мужчина, который любит мужчину и делает такие вещи, нарушает равновесие инь и ян, это неправильно...

- Когда следуешь за своим сердцем, что тут может быть неправильного? — Минь Цзинь встал, чтобы скрыть смущение, и, улыбаясь, подошел ближе, — Я всегда думал, что брат Чанкун тоже из наших.

Мо Чанкун инстинктивно возразил:

- Я не люблю мужчин!

- Ха, ты не любишь мужчин и не любишь женщин, позволь мне угадать... — Минь Цзинь положил руку ему на плечо и, наклонившись к самому уху, шепотом насмешливо сказал, - Тот, кого ты любишь... это твой шизун?

Его самый большой секрет был раскрыт. Мо Чанкун, полный ярости, обнажил свой меч. Он хотел любой ценой похоронить эту правду.

- Друг, не убивай меня! — Минь Цзинь испугался его реакции, поднял руки в знак капитуляции, — Ты знаешь мой секрет, и я знаю твой секрет. Мы одинаковые люди, давай

будем хранить секреты друг друга, хорошо?

Он умолял с жалобным видом и поклялся небом, что никогда не расскажет.

Мо Чанкун долго думал и наконец опустил меч, с презрением сказав:

- Какой смысл в этих ваших делах? Только время теряете, мешаете своим тренировкам и позоритесь.

- Какой смысл? — Минь Цзинь рассмеялся при этом наивном вопросе, с жалостью взглянув на непонимающего мужчину, спросил, - Ты когда-нибудь пробовал истинное наслаждение в этом мире?

<http://bllate.org/book/13607/1206731>